

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

УДК 911.3 (571.5)

DOI: 10.15372/GIPR20250212

Т.И. ГЕРАСИМЕНКО*, Е.Б. БОЛХОСОЕВА, М.А. КОТОМИНА***

*Институт географии РАН, 119017, Москва, Старомонетный пер., 29, стр. 4, Россия,
gerasimenko@igras.ru, espero33@yandex.ru

**Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
670000, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, Россия, uman5@mail.ru

БУРЯТИЯ КАК ЭТНОКОНТАКТНАЯ ЗОНА

Рассмотрены этноконтактные зоны (ЭКЗ) Бурятии, под которыми авторы понимают вид этнокультурных регионов и хорологические объекты, состоящие из пересекающихся, накладывающихся либо соседствующих этнических ареалов и этнических границ. В качестве ключевого региона представлена Бурятия — республика с мозаичным, пестрым и толерантным населением, представляющая собой поликультурный сложно организованный этнокультурный регион, систему этноконтактных зон разного иерархического уровня. В то же время Бурятия — часть более крупной этноконтактной зоны. Используются статистический, картографический, экспедиционный, социологический и другие методы. Проведена группировка муниципальных образований Бурятии по этническому составу и индексу этнической мозаичности, проведены расчеты по девяти ключевым ЭКЗ сельских поселений. Предпринята попытка выявить специфику территориальной структуры этноконтактной зоны, место в классификации, историко-географические особенности и факторы формирования и трансформации ЭКЗ на разных историко-географических этапах. В качестве основных факторов выделены позиционный (в том числе приграничное положение), ландшафтный, политико-административный, характер межэтнического и межцивилизационного взаимодействия, модели освоения территории и формы межэтнического взаимодействия. Выполнены картосхемы, характеризующие ЭКЗ муниципальных образований. Исследование этноконтактных зон, помимо научного, имеет и практическое значение. Оно может быть востребовано органами управления для проведения региональной политики разного уровня. Материалы также могут быть использованы в учебном процессе, просветительской деятельности и в планировании развития туризма.

Ключевые слова: этноконтактная зона, индекс этнической мозаичности, толерантность, межкультурная коммуникация, заимствования, трансформация.

T.I. GERASIMENKO*, E.B. VOLKHOSOEVA, M.A. KOTOMINA***

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences,
119017, Moscow, Staromonetny per., 29, str. 4, Russia,
gerasimenko@igras.ru, espero33@yandex.ru

**Banzarov Buryat State University,
670000, Ulan-Ude, ul. Smolina, 24a, Russia, uman5@mail.ru

BURYATIA AS AN ETHNOCONTACT ZONE

The article considers the ethnocontact zones (ECZ) of Buryatia, by which the authors understand a type of ethnocultural regions and chorological objects consisting of intersecting, overlapping or adjacent ethnic areas and ethnic boundaries. Buryatia is presented as a key region — a republic with a mosaic, diverse and tolerant population, which is a multicultural complexly organized ethnocultural region, a system of ethnocontact zones of different hierarchical levels. At the same time, Buryatia is a part of a larger ethnocontact zone. Statistical, cartographic, expeditionary, sociological and other methods were used. The municipalities of Buryatia were grouped by ethnic composition and ethnic mosaic index, and calculations were carried out for nine key ECZ of rural settlements. An attempt was made to identify the specifics of the territorial structure of the ethnocontact zone,

its place in the classification, historical and geographical features and factors of formation and transformation of the ECZ at different historical and geographical stages. The main factors identified are positional (including the border position), landscape, political and administrative factors, the nature of interethnic and intercivilizational interaction, models of territory development and forms of interethnic interaction. Schematic maps characterizing the ECZ of municipalities were made. The study of ethnocontact zones also has practical significance in addition to scientific one. It can be used by governing bodies to implement regional policies at different levels. The materials can also be used in the educational process and activities and in planning tourism development.

Keywords: *ethnocontact zone, ethnic mosaic index, tolerance, intercultural communication, borrowings, transformation.*

ВВЕДЕНИЕ

Объект данной статьи — этноконтактные зоны Бурятии. Проблема их формирования, функционирования и трансформации актуализировалась в настоящее время, что обусловлено современными вызовами, связанными с тектоническими геополитическими и геоэкономическими изменениями. Смена геополитических и геоэкономических векторов страны может повлечь за собой существенные геокультурные сдвиги, особенно в поликультурных приграничных регионах. Необходимость мониторинга происходящих процессов вызвала новый всплеск их исследований, например [1–6] и др.

Под этноконтактной зоной (ЭКЗ) мы понимаем тип этнокультурных регионов (ЭКР), сформировавшихся в результате межэтнического взаимодействия в течение длительного историко-географического периода [6]. Это хронологические объекты, которые состоят из двух и более пересекающихся, накладывающихся либо соприкасающихся этнических ареалов (обособленных либо относительных) и неформальных границ. Делимитация субъективна и условна. Население ЭКЗ, как и любого этнокультурного региона, характеризуется наличием регионального самосознания (наряду с этническим, которое в ряде случаев размыто), общих культурных черт, заимствований и синкретизма, местными формами проявления национальной культурной традиции. ЭКЗ существенно различаются по разным параметрам. Кроме различий по этническому составу и индексу этнической мозаичности [7], они различаются по генезису, по охвату территории (локальные, мезо- и макрорегиональные), при этом не обязательно являются иерархичными. По комплиментарности и типу взаимодействия одним из авторов данной статьи предложено в соответствии с терминологией Л.Н. Гумилёва выделять ЭКЗ — «симбиозы», «ксении», «химеры» [8], а также смешанные и промежуточные этноконтактные зоны. Тип взаимодействия в значительной степени предопределен этническим разделением труда и вмещающим ландшафтом [9]. Различаются урбанизированные и сельские ЭКЗ.

Как и этнокультурные регионы, этноконтактные зоны различаются в зависимости от географического положения. В данной статье речь пойдет об ЭКЗ, связанных с порубежьем, точнее, о приграничных ЭКЗ, которые расположены у границы с высокой степенью барьерности, в отличие от трансграничных, расположенных по обе стороны границы с преобладающей контактной функцией.

Район исследования — Республика Бурятия, на примере которой рассмотрена специфика формирования и трансформации приграничных ЭКЗ. Этнокультурный комплекс Бурятии представляет собой поликультурную этноконтактную зону мезорегионального уровня и включает целый ряд ЭКЗ разного уровня вплоть до локальных. В то же время он является частью Южно-Сибирского тюркомонгольского пояса (макрорегиональной ЭКЗ), сформировавшегося на границах России с зарубежной Азией. Кроме Бурятии, он включает Республику Алтай, Тыву и Хакасию. Хакасия не имеет выхода к государственной границе, но, по мнению В.Н. Стрелецкого, является составной частью макрорегиона, поскольку вовлечена в интенсивные процессы межкультурного взаимодействия [10, 11].

Существенную, или даже доминирующую, роль в ЭКЗ играют (наряду с русскими) буряты, имеющие общее происхождение с монголами, но подвергшиеся дивергенции в результате длительного развития по разные стороны государственной границы с высокой степенью барьерности [10–12]. Одновременно Республика Бурятия расположена в контактной зоне регионов Трансбайкалья, Восточной Сибири и Центральной Азии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В ходе работы использовались данные материалов переписей населения разных периодов, опубликованные материалы историков, этнографов, географов, данные некоторых муниципалитетов. Для оценки этнического разнообразия и классификации муниципальных образований (МО) Бурятии была проведена их группировка по преобладающей национальности, а также использовался индекс этни-

ческой мозаичности (ИЭМ) Эккеля, применяемый в современных исследованиях ЭКЗ [7]. Индекс этнической мозаичности (ИЭМ) рассчитан для Бурятии в целом и всех ее муниципальных образований (районов и городских округов) по формуле

$$\text{ИЭМ} = 1 - \sum_{i=1}^N (n_i)^2,$$

где N — число этнических групп в регионе; n_i — доля i -й этнической группы в регионе (табл. 1, 2, рис. 1).

В расчеты были включены этнические группы, численность населения которых для всей Бурятии превышала 1000 чел. (всего 11 национальностей). Расчеты проводились по материалам последней переписи населения (2020 г.) [13, 14]. Следует иметь в виду, что использовались официальные данные, которые не полностью отражают ситуацию. Поэтому наряду с использованием статистических, картографических и историко-географических методов применялась система полевых, в том числе включенное наблюдение, чтение местности по культурному ландшафту, глубинные интервью, экспресс-опросы, контент-анализ и др. Т.И. Герасименко и Е.Б. Болхосоевой в марте 2024 г. было проведено 42 интервью с представителями разных этнокультурных групп (бурятами, эвенками, старообрядцами, казаками, татарами, армянами и др.). Также были проведены и проанализированы 15 экспертных оценок бурятских ученых, руководителей муниципальных образований, национальных обществ, религиозных лидеров, краеведов в муниципальных образованиях Бурятии — Курумканском, Мухоршибирском, Джидинском районах (см. табл. 2). Это позволило выявить роль целого ряда факторов (ландшафтного, историко-географического, инфраструктурного, демографического) в формировании

Таблица 1

Группировка муниципальных образований (МО) Республики Бурятия по этническому составу населения

Тип этнического распределения	Название МО	Доля, %			ИЭМ
		русских	бурят	других национальностей	
1. Районы с преимущественно русским населением	Прибайкальский	96,0	1,6	Татары — 0,2	0,08
	Кабанский	92,3	4,4	Азербайджанцы — 0,3	0,15
	Муйский	88,5	4,9	Украинцы — 1,1	0,22
	Бичурский	87,1	11,8	Татары — 0,1	0,23
	г. Северобайкальск	85,9	3,4	Украинцы — 1,1	0,26
	Северо-Байкальский	84,8	1,5	Эвенки — 5,2	0,28
	Мухоршибирский	80,6	15,9	Татары — 0,8	0,33
2. Районы с преимущественно русским и значительным бурятским населением	Заиграевский	78,4	15,4	Татары — 0,9	0,36
	Тарбагатайский	76,6	18,3	Армяне — 0,3	0,38
	Баунтовский эвенкийский	75,8	13,4	Эвенки — 7,7	0,40
	Баргузинский	75,1	22,3	Татары — 0,6	0,39
	Кяхтинский	70,3	24,1	Татары — 0,8	0,45
	Хоринский	63,8	32,9	Татары — 1,2	0,48
	Селенгинский	58,5	33,1	Татары — 1,1	0,55
	г. Улан-Удэ	53,5	30,6	Татары — 0,3	0,62
3. Районы с преимущественно бурятским и значительным русским населением	Тункинский	33,6	64,5	Татары — 0,2	0,47
	Курумканский	31,9	63,8	Эвенки — 3,0	0,49
	Закаменский	33,3	62,8	Эвенки — 2,2	0,50
	Иволгинский	30,7	62,3	Татары — 0,2	0,52
	Кижингинский	37,6	61,2	Татары — 0,4	0,48
4. Районы с одинаковой численностью русского и бурятского населения	Джидинский	51,6	45,5	Татары — 1,0	0,53
	Еравнинский	44,0	48,8	Узбеки — 3,3	0,57
5. Район с преобладанием сойотов и значительным бурятским населением	Окинский	2,0	22,0	Сойоты — 74,8	0,39

Примечание. Составлено авторами на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г. [13].

Примеры сельских поселений (СП) Республики Бурятия с разным этническим составом населения

Тип этнического распределения	Название СП	Доля, %		
		русских	бурят	других национальностей
Курумканский район				
1. СП с преимущественно бурятским и значительным эвенкийским населением	Улюнхан	2,1	71,0	Эвенки – 24,5
2. СП с преимущественно бурятским населением	Элэсун	3,3	96,4	–
3. СП с преимущественно русским населением	Сахули	86,9	11,7	Татары – 6,0
4. СП с преимущественно бурятским и значительным русским населением	Курумкан	35,5	61,5	Эвенки – 1,6
Мухоршибирский район				
1. СП с преимущественно русским и значительным бурятским населением	Калиновское	54,3	45,1	–
2. СП с преимущественно русским населением	Шаралдайское	98,0	0,5	Татары – 0,5
Джидинский район				
1. СП с преимущественно бурятским населением	Гэгэтуй	7,9	91,7	Китайцы – 0,2
2. СП с преимущественно бурятским и значительным русским населением	Дырестуй	42,4	48,5	Татары – 8,1
3. СП с преимущественно русским и значительным бурятским населением	Петропавловка	67,1	31,21	Татары – 0,2

Примечание. Прочерк — отсутствуют.

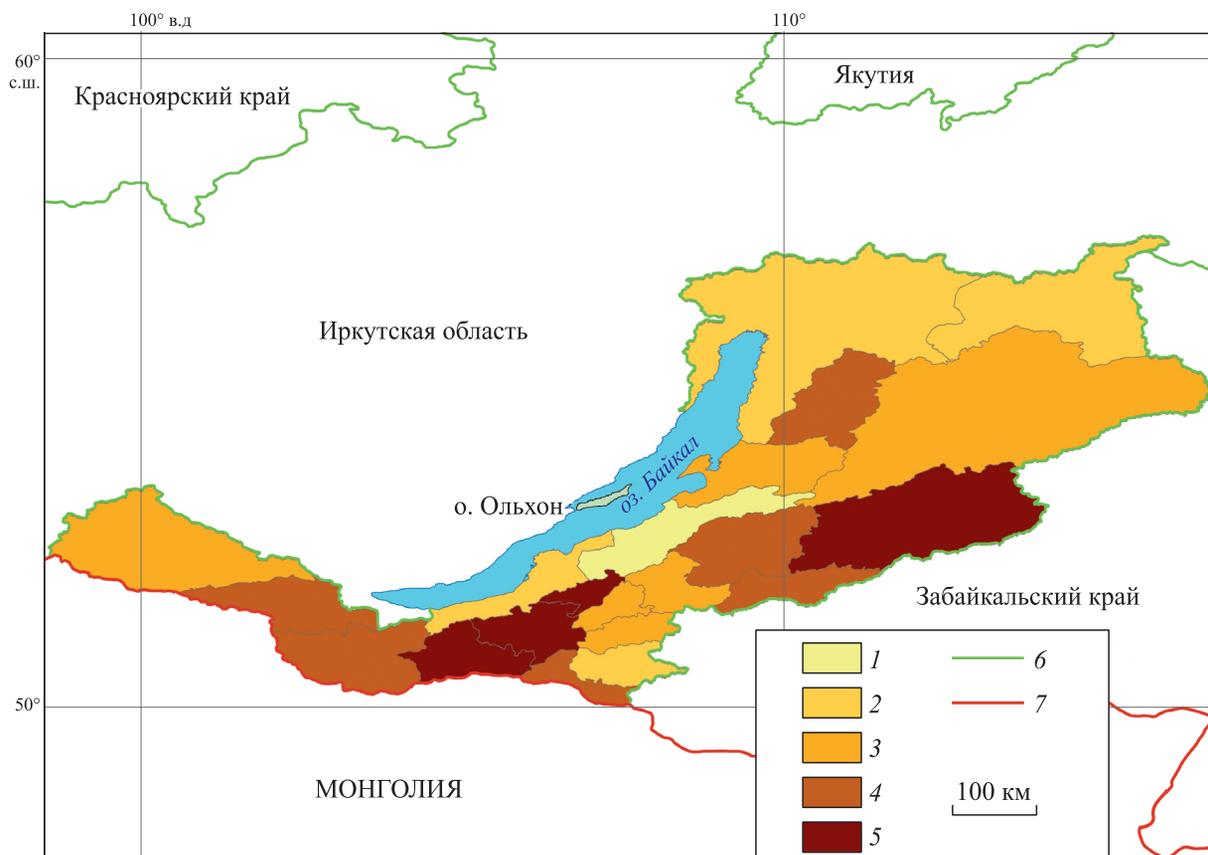

Рис. 1. Группировка муниципальных образований Республики Бурятия по величине индекса этнической мозаичности (на основе данных Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.).

Величина ИЭМ: 1 — менее 0,147; 2 — 0,147–0,278; 3 — 0,279–0,401; 4 — 0,402–0,495; 5 — более 0,495; 6 — граница субъектов РФ; 7 — государственная граница.

и функционировании ЭКЗ разного иерархического уровня, оценить степень толерантности взаимодействующих этнокультурных групп, классифицировать ЭКЗ по ряду признаков.

Историко-географический подход позволил выявить специфику формирования ЭКЗ Бурятии, типы освоения и характер взаимоотношений, а полимасштабный анализ — соотношение ЭКЗ разного иерархического уровня.

В рамках данной статьи мы не ставим задачу охарактеризовать отдельные ЭКЗ, а также дать подробный историко-географический анализ; это задача дальнейших исследований.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Группировки и специфика этноконтактных зон Бурятии. Этнический состав населения поликультурной Бурятии и его динамика достаточно хорошо исследованы, например в [15–18] и др. Согласно Всероссийской переписи населения 2020 г., на территории Республики Бурятия проживали представители 120 национальностей, из них русские и буряты насчитывали более 100 тыс. чел. (581,8 тыс. русских и 295,3 тыс. бурят). Численность еще девяти этносов превышает 1000 чел.: сойоты (4,3 тыс.), татары (4 тыс.), эвенки (3 тыс.), украинцы (2 тыс.), узбеки (1,9 тыс.), армяне (1,6 тыс.), азербайджанцы (1,4 тыс.), киргизы (1,3 тыс.), тувинцы (1,1 тыс.). Они неравномерно распределены по территории Бурятии и образуют ареалы компактного проживания (см. табл. 1; рис. 2).

Л.А. Безруков и Ю.С. Размахнина провели районирование Сибири [18], взяв за основу методику А.Г. Манакова [19] и используя идеи В.Н. Стрелецкого [20]; выделили на территории Сибири русское мегаядро, включая его контактную зону, и периферию. В Бурятии по этому критерию к мегаядру отнесены 11 муниципальных образований МО. Проанализировав ситуацию в республике, авторы настоящей работы пришли к выводу, что в таких сложно организованных национальных регионах, как Бурятия, этих критериев недостаточно. Здесь нерусские этносы, даже имея меньшую долю в населении, доминируют либо ярко представлены в этнокультурных ландшафтах и облике поселений, социокультурном устройстве общества, в специализации хозяйства, в конфессиональном и языковом составе населения. Предлагаем свою группировку ЭКЗ уровня МО по этническому составу (см. табл. 1, рис. 2).

1. Муниципальные образования (городские округа и районы) с абсолютным преобладанием русских (более 80 % населения): Прибайкальский, Кабанский, Муйский, Бичурский, г. Северобайкальск, Северо-Байкальский, Мухоршибирский. В двух из них (Мухоршибирском и Бичурском МО) вторая по численности национальность — буряты — составляет более 10 %. В Северо-Байкальском районе второй по численности этнос — эвенки.

2. Группа МО, где преобладают русские (50–80 % населения), второе место занимают буряты (10–30 %). Такая наиболее типичная для Бурятии картина распределения этнических групп характерна для республики в целом (русские — 59,4 %, буряты — 30,2 %), а также для Заиграевского, Тарбагатайского, Баунтовского эвенкийского, Баргузинского, Кяхтинского, Хоринского, Селенгинского районов. В эту же группу входит и городской округ Улан-Удэ.

3. Районы, в которых доля бурят превышает 60 %: Тункинский, Курумканский, Закаменский, Иволгинский и Кижингинский. Они составляют этническое большинство, а русские являются вторым по численности этносом (30–40 %).

4. Районы, где численность русских примерно равна численности бурят: Джидинский и Еравнинский.

5. Муниципальные образования, в этническом составе которых важное место занимают представители коренных малочисленных народов Севера (КМНС): Окинский район (74,8 % населения составляют сойоты, 22 % — буряты, доля русских не превышает 2 %) и Баунтовский эвенкийский район, отнесенный нами к самой типичной, второй группе, однако его специфику составляет третья по численности национальность — эвенки, имеющая наивысшую среди районов Бурятии долю (7,7 %).

На локальном уровне в качестве примеров приведены расчеты по девяти типичным ЭКЗ сельских поселений (СП), посещенных нами трех муниципальных образований (см. табл. 2). В культурном ландшафте всех выделенных групп селений просматривается взаимное влияние и сходство планировки и застройки улиц и жилищ (сказывается еще и влияние административного фактора). Для населения смешанных поселений характерен билингвизм, в ряде случаев трехязычие (например, в эвенкийских поселениях Курумканского района). Во всех школах Бурятии наряду с русским изучается бурятский язык, который играет важную роль в этнокультурном развитии ЭКЗ.

Ламаизм наложил отпечаток на все стороны жизни населения Бурятии, но и элементы шаманизма распространены (причем не только у автохтонных этнокультурных групп). Религиозный синкретизм

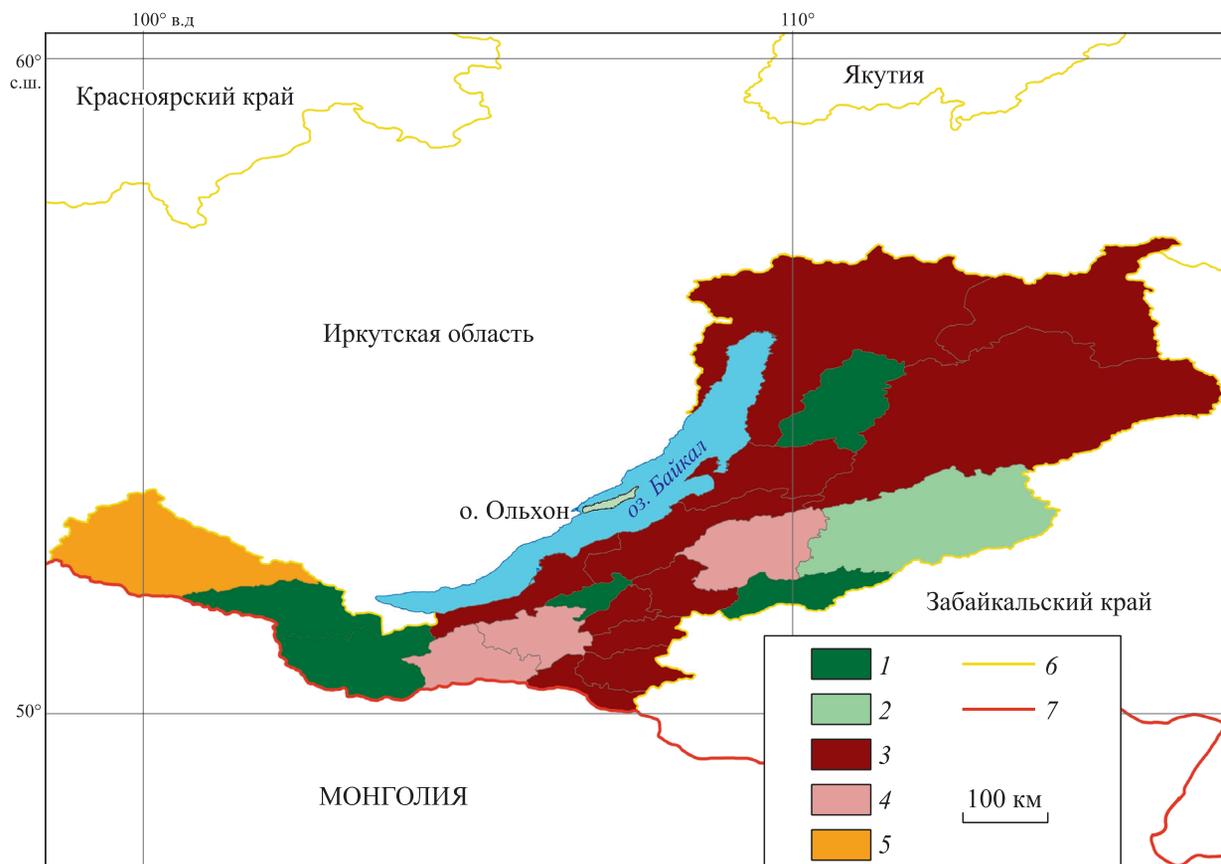

Рис. 2. Группировка муниципальных образований Республики Бурятия по преобладающей национальности (на основе данных Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.):

Крупнейшие этносы: 1 — буряты (более 50 %); 2 — буряты (менее 50 %); 3 — русские (более 70 %); 4 — русские (менее 70 %); 5 — сойоты (более 70 %); 6 — граница субъектов РФ; 7 — государственная граница.

в культурном ландшафте маркирован культовыми местами подношения духам — «хозяевам», а также дацанами и церквями, которые посещают представители разных национальностей. В смешанных поселениях праздники отмечаются всеми жителями, безотносительно религиозной и этнической принадлежности. Интервью и опросы позволили сделать вывод о том, что в полиэтничных локальных ЭКЗ часть населения из смешанных в этническом отношении семей обладает двойной или даже тройной этнической идентичностью. Встречается и отсутствие таковой. К примеру, на вопрос об этнической принадлежности в эвенкийско-бурятском сельском поселении Улюнхан интервьюируемые отвечали «не знаю», при этом некоторые из опрошенных свободно владеют тремя языками (эвенкийским, бурятским и русским), демонстрируют приверженность как шаманизму (предпочитают, например, лечиться у шаманов), так и ламаизму. У некоторых интервьюируемых присутствуют китайские корни. В ряде случаев, не имея устойчивой идентичности, они регистрируются как эвенки с целью получения льгот КМНС. Экономическая культура эвенков существенно трансформирована. Так, в настоящее время они не занимаются традиционной охотой (в силу законодательных ограничений), а вынуждены покупать мясо диких животных у охотников, получивших лицензию. Для поселений с преимущественно бурятским населением характерна ровная застройка и планировка улиц и жилищ, аккуратные ухоженные дома с наличниками, палисадники, задние дворы с заготовленным сеном и домашним скотом на выпасе (Гэгэтуй, Элэсун).

Конвергенция этнокультурных групп в ЭКЗ налицо. Вместе с тем сохраняются и различия даже в артефактах (в частности, в планировке и застройке поселений), несмотря на большую роль административного фактора. Внутреннее убранство домов представителей разных этносов достаточно стандартно, однако есть различия в размещении предметов культа, кухне, использовании языка, предметов быта и одежде. Различаются кладбища и церемония похорон. Представители других националь-

ностей вписаны и интегрированы в бурятское общество. В смешанных семьях локальных ЭКЗ, которые мы исследовали, используется бурятский язык. Население заинтересовано в сохранении своих поселений, пытаются сохранить школы. В Курумканском районе распространено опекуновство. Дети небурятской национальности в приемных семьях говорят по-бурятски.

Населенные пункты с преимущественно русским населением характеризуются выраженной растениеводческо-животноводческой специализацией, повышенным оттоком и старением населения. В таких поселениях много заброшенных домов. Попытки привлечь мигрантов не дают результатов. Отдельную группу представляют собой старообрядческие поселения, как и казахи. Это лишь небольшая часть примеров, характеризующих специфику разных по этническому составу ЭКЗ.

Этноконтактные зоны Бурятии различаются по ИЭМ (табл. 3; см. рис. 1), который отображает этническое многообразие. Для всей Бурятии ИЭМ составляет 0,56. Два района с самым низким индексом (менее 0,2) характеризуются практически как моноэтнические — Прибайкальский и Кабанский.

Индекс этнической мозаичности 0,2–0,4 характеризует группу районов со слабо выраженным этническим разнообразием: Муйский, Бичурский, г. Северобайкальск, Северо-Байкальский, Мухоршибирский, Заиграевский, Тарбагатайский. Наконец, выделяются районы с ИЭМ 0,4–0,6: Баунтовский эвенкийский, Кяхтинский, Тункинский, Кижингинский, Хоринский, Курумканский, Закаменский, Иволгинский, Джидинский, Селенгинский, Еравнинский. Наибольшим индексом этнической мозаичности обладает город Улан-Удэ — 0,62 (см. табл. 3).

Важнейшие факторы формирования ЭКЗ Республики Бурятия. Этноконтактные зоны формировались в течение длительного периода под воздействием совокупности факторов, важнейшими из которых для хода этнокультурных процессов и формирования ЭКЗ являются позиционный («давление места», по Б.Б. Родману), ландшафтный, миграции, уровень урбанизации, разница в демографическом поведении этносов, степень сходства менталитета и знак комплиментарности (по Л.Н. Гумилёву), административный и др. Трансграничное положение региона с древних времен играло важнейшую роль в формировании контактов. Впоследствии, по мере роста барьерности границы, оно сменилось приграничным, привело к дивергенции монголов и бурят, хотя в монгольских источниках буряты значатся монгольским этносом [10, с. 159].

Адаптация в ландшафтах, с одной стороны, способствовала конвергенции этнических культур, с другой — формировала этническое разделение труда [9]. Байкальский регион — это контактная зона, разграничивающая и одновременно объединяющая культуры центральноазиатских степей и сибирской тайги. В то же время регион входит в широкий пояс лесостепей, простирающийся от Урала до Амура. Он образует особый, северный (отличный от степного, южного) «культурный коридор», соединяющий западную и восточную части Северной Азии [21–23]. Естественная природная среда степей имела огромное значение для последующих социально-исторических событий в жизни формирующихся этнических сообществ.

В культурном отношении население Бурятии было неразрывно связано не только с центральноазиатскими народами, образ жизни которых был основан на кочевом скотоводстве, но и с восточноазиатскими и среднеазиатскими оседлыми культурами. До российской колонизации на этой территории функционировала ЭКЗ, состоящая из монголоязычных, тунгусоязычных и тюркоязычных народов. Таежные, лесостепные и степные ландшафты во многом определяли хозяйственный и

Таблица 3

Группировка муниципальных образований Республики Бурятия по величине индекса этнической мозаичности (ИЭМ)

ИЭМ	Муниципальные образования	Характеристика
Менее 0,2	Прибайкальский, Кабанский	Практически моноэтнические районы
0,2–0,4	Муйский, Бичурский, г. Северобайкальск, Северо-Байкальский, Мухоршибирский, Заиграевский, Тарбагатайский, Баргузинский, Окинский	Относительно слабая этническая мозаичность
0,4–0,6	Баунтовский эвенкийский, Кяхтинский, Тункинский, Кижингинский, Хоринский, Курумканский, Закаменский, Иволгинский, Джидинский, Селенгинский, Еравнинский	Районы с высоким национальным разнообразием
Более 0,6	г. Улан-Удэ	Наиболее полиэтнические районы

Примечание. Составлено авторами на основе данных Всероссийской переписи населения 2020 г. [13].

культурный облик территории. ЭКЗ характеризовалась многочисленными заимствованиями и толерантным населением. Многочисленные свидетельства сохранились, в частности, в описаниях русских землепроходцев [21].

Этнокультурное историко-географическое развитие Бурятии очень сложно и во многом объясняет современную структуру ЭКЗ. Для этой территории, расположенной на стыке ландшафтов и культур, характерны процессы межкультурных и межцивилизационных взаимодействий, взаимовлияний и взаимопроникновений, которые сменялись периодами этнокультурной изоляции. Контакты имели разный характер, временами сопровождались конфликтами, приводившими к изменению социального и политического устройства общества. Историко-географические особенности формирования этнокультурного пространства Бурятии с разной степенью детализации представлены в трудах исследователей [21, 24–30].

Анализ многочисленных источников позволил выделить несколько историко-географических этапов формирования ЭКЗ в регионе, непосредственно связанных со сложными этническими и социально-политическими процессами, происходившими на огромной территории Внутренней Азии. Каждый из этих периодов характеризуется преобладанием той или иной модели освоения (от кочевой до геополитической) и формы взаимодействия (в регионе этносы не были несовместимыми, их отношения развивались преимущественно по типу «ксений» и «симбиоза», крайне редко — «химеры»). Эти типы предложены и подробно описаны одним из авторов на основании терминологии Л.Н. Гумилёва в [8, 9]. Для ЭКЗ-«ксений» характерны нейтральные межэтнические взаимоотношения, формирующиеся чаще всего при доминировании какого-либо одного этноса. Меньший по численности этнос при этом изолируется, не нанося ущерба этнической системе основного этноса. В случае ЭКЗ-«симбиоза», как правило, этносы, занимая свои «экологические» ниши, не перемешиваются, сохраняют этническую специфику, взаимно дополняют друг друга. ЭКЗ-«химеры» возникают при соприкосновении этносов с отрицательной комплиментарностью и характеризуются нестабильными, недружественными межэтническими отношениями, сопровождающимися столкновениями с последующим разграничением пространства и оттоком населения. В чистом виде в настоящее время эти типы встречаются редко, в том числе и в Бурятии.

Кочевые монголоязычные племена, оседлые земледельцы и животноводы соседствовали и контактировали с китайскими этносами, с предками тунгусо-маньчжуров и корейцев [28]. Кочевники сыграли огромную роль в торговых, экономических и культурных контактах огромного региона. Благодаря им происходило распространение артефактов, ментифактов и социофактов, в том числе и между оседлыми народами. Контакты преобладали нейтральные, тип освоения — кочевнический.

В Средневековье этнокультурная неоднородность населения региона усиливается, а «...эпоха завершилась крушением империи Чингисхана и собственно Монгольского государства, а главное — утратой монголами той пассионарности, которая определяла их доминирующее положение в центральноазиатском и южносибирском регионах...» [29, с. 9]. В результате консолидации сложилось несколько крупных территориально-этнических объединений бурятских племен — булагатов, эхиритов, хонгодоров, хоринцев, которые на западе и северо-западе региона соседствовали с тюркскими, тунгусскими и енисейскими племенами. До конца XVI в. кочевники Прибайкалья и прилегающих территорий не входили ни в какие государственные образования (расселявшиеся юго-восточнее входили в северомонгольские ханства) [25].

К концу средневекового этапа власть в регионе перешла к двум великим империям Евразии — Российской и империи Цин, что повлияло на географию миграций. С этого времени формирование этноконтактных зон Бурятии принимает иное направление и переходит к следующему этапу — имперскому (колониальному).

Вторая половина XVII в. характеризуется практически одновременным продвижением государства Маньчжуров на запад, Российской империи — в Сибирь и на Дальний Восток. Это сопровождалось массовыми миграциями и бурными межкультурными контактами монгольских, тунгусо-маньчжурских, китайских народов и усложнением этнической структуры территории, миграциями части бурят в Халха-Монголию. После подписания Нерчинского договора наблюдаются возвратные миграции бурятских беженцев. Миграции способствовали заимствованиям элементов дальневосточной культуры [26, 31].

В процессе российской колонизации региона и межэтнического взаимодействия русских, бурят и эвенков произошла интеграция и становление единой идентичности бурятского этноса. Этнокультурная общность с монголами «нивелировала вновь возникший этнос, мешала его этнической эмансипации, вызывая стремление дистанцироваться от монголов. Это противопоставление и явилось основой для военного объединения бурят с русскими» [29, с. 259—260]. Во второй половине XVII в. геополити-

ческий выбор бурятского народа определил его развитие в рамках Российского государства, что предопределило трансформацию этнокультурного ландшафта слабо заселенного и удаленного региона.

Массовая колонизация привела к росту населения и многочисленным заимствованиям. В составе добровольных, принудительных и вынужденных мигрантов были ссыльные, отставные солдаты, старообрядцы. Некоторые из них селились изолированно, но даже в этом случае контакты и заимствования были неизбежны. Особенно это было характерно для русских, бурят и эвенков. Кочевые народы перешли на полукочевой и оседлый образ жизни. Появилось пашенное земледелие (рожь, пшеница), заменив мотыжное, сенокосение. Заимствования касались жилищного строительства. Русские заимствовали тип одежды, местное скотоводство и др., а местные жители — сбор грибов и ягод, хлебопашество, орудия труда, ремесла. Контакты развивались по типу «симбиоза» и «ксении», преобладали очагово-хозяйственная, колониальная и духовная модели освоения. Реальностью стали ассимилятивные процессы: смешанные браки, билингвизм, синкретизм. Среди бурят был распространен шаманизм. Восточные буряты раньше других приняли ламаизм. Но и в настоящее время сохраняется поклонение духам (это заимствовали и колонисты). Исключение долгое время составляли районы проживания старообрядцев, пытавшихся избегать контактов с живущим по соседству населением.

К концу XVII века этногеография региона в основном сложилась и характеризовалась наличием полимасштабных ЭКЗ.

Советский этап неоднороден и характеризовался трансформацией ЭКЗ и унификацией многих сторон жизни, в том числе под воздействием административного фактора. Образование Бурят-Монгольской АССР, рост промышленного производства, урбанизация, коллективизация, переход на оседлый образ жизни (11 500 хозяйств перешли на оседлость уже к 1933 г.), укрупнение поселений привели к существенным изменениям ЭКЗ всех уровней. Несколько волн миграционных притоков населения из европейской части России и отток части бурят во Внутреннюю Монголию и Монголию вкупе с административно-территориальными реформами привели к росту общей численности населения, сокращению бурятского населения республики и к трансформации ЭКЗ. Контакты преобладали нейтральные, часть мигрантов изолировалась. Другие, наоборот, интегрировались с автохтонным населением. Интервью с некоторыми жителями (молдаванами, армянами, татарами) показали, что даже после отъезда некоторых из них из Бурятии сохранялась региональная идентичность, которая приводила к возвратным миграциям.

Буряты и другие автохтонные народы подверглись как ассимилятивным процессам, так и вестернизации. К началу XXI в. этническая дифференциация уменьшилась. Создание республики стало важным фактором консолидации и формирования этнического самосознания и менталитета не только титульного этноса, но и всего общества, проживающего в республике, включая коренные малые народы (эвенки, сойоты) и мигрантов разных периодов: китайцев, монголов, русских, представителей других народов СССР.

Распространились межэтнические браки, билингвизм и даже трехязычие. Этнокультурное развитие народов региона определялось влиянием русской культуры. Однако заимствования были обоюдными. Культура переселенцев тоже подверглась трансформации и конвергенции. Даже старообрядцы испытали этнокультурное влияние проживавших рядом бурят.

Постсоветский этап характеризуется нестабильностью, интенсивным оттоком населения, особенно некоренного, в более благополучные, европейские регионы, перераспределением его между городом и селом [32–34]. Согласно последней переписи населения [13], по сравнению с 1989 г. численность русских снизилась более чем на 144 тыс. чел. (почти на 20 %) и составила 581 764 чел., а их доля в населении республики сократилась с 69,9 до 59,3 %. Доля бурят выросла с 24,3 до 30,2 % и составила 295,2 тыс. чел. Увеличение произошло за счет как естественного, так и механического прироста (возвратной миграции из сопредельных регионов). На территории республики проживает 63 % российских бурят (в 1989 г. — 59 %). Выросло также число сойотов, эвенков и представителей некоторых среднеазиатских народов (узбеков, киргизов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, Бурятия представляет собой поликультурный, сложно организованный регион: это одновременно часть Южно-Сибирского тюрко-монгольского пояса (макрорегиональной ЭКЗ), сформировавшегося на границах России с зарубежной Восточной Азией, этноконтактная зона мезорегионального уровня, совокупность ЭКЗ уровня муниципальных образований и локальных ЭКЗ. Иными словами, это совокупность ЭКЗ разного иерархического уровня.

В статье сгруппированы ЭКЗ ранга муниципальных образований по этническому составу и индексу этнической мозаичности, приведены примеры сельских поселений с разным соотношением крупнейших этносов. Этноконтактные зоны сформировались в процессе длительного историко-географического развития под воздействием большого количества факторов. Важнейшими следует считать позиционный, ландшафтный, политико-административный, фактор границы, характер межэтнического и межцивилизационного взаимодействия, модели освоения территории. Бурятия — это приграничная ЭКЗ с толерантным населением, трансформировавшаяся в процессе историко-географического развития в результате дивергенции под воздействием делимитации единого этнокультурного пространства. По характеру межэтнического взаимодействия преобладают ЭКЗ смешанного типа. В регионе преобладают муниципальные образования с двумя доминирующими этническими культурами — русской и бурятской. Однако есть и муниципальные образования с ярко выраженными чертами эвенкийской и сойотской культур. При этом все этнокультурные группы характеризуются взаимодействиями, диффузией культурных черт, а также наличием региональной идентичности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Этноконтактные зоны на постсоветском пространстве: генезис, типология, конфликтогенность» (23-17-00005).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герасименко Т.И. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве России // Гуманитарный вектор. — 2018. — Т. 13, № 2. — С. 152–161.
2. Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. Этноконтактные зоны в геокультурном пространстве городов: специфика и подходы к классификации // Вестн. Зап.-Казахстан. ун-та. — 2023. — Т. 92, № 4. — С. 165–170.
3. Манаков А.Г. Динамика индекса этнической мозаичности в республиках России в контексте концепции этноконтактных зон // Псков. Регионологич. журн. — 2023. — Т. 19, № 3. — С. 33–52.
4. Окунев И.Ю. Методика пространственного статистического анализа эволюции уровня конфликтогенности этноконтактных зон // Исторический подход в географии и геоэкологии: Материалы VII Междунар. науч. конф. по истор. географии. — Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2023. — С. 729–733.
5. Теренина Н.К. Фазы развития этноконтактных зон: от зарождения до растворения // Исторический подход в географии и геоэкологии: Материалы VII Междунар. науч. конф. по истор. географии. — Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2023. — С. 741–744.
6. Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. Этноконтактные зоны как вид этнокультурных регионов // Соц.-эконом. География: Вестн. Ассоциации рос. географов-обществоведов. — 2018. — № 7. — С. 51–59.
7. Манаков А.Г. Основные показатели, используемые при анализе пространственно-временной динамики этноконтактных зон // Исторический подход в географии и геоэкологии: Материалы VII Междунар. науч. конф. по истор. географии. — Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2023. — С. 724–728.
8. Герасименко Т.И. Историко-географические модели освоения территорий как основа формирования этноконтактных зон // Исторический подход в географии и геоэкологии: Материалы VII Междунар. науч. конф. по истор. географии. — Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 2023. — С. 701–706.
9. Gerasimenko T.I., Rodoman B.B., Chistobaev A.I., Semenov E.A., Sokolova A.A., Lyubichankovskiy A.V. Modern Inter-Ethnic Contacts and Ethnic Processes in Siberia // Humans in the Siberian Landscapes: Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space. — Cham: Springer Intern. Publ., 2022. — P. 477–502.
10. Mongolia between China and Russia — Challenges and Opportunities / Ed. B. Baasansuren. — Ulaanbaatar: Mongolian University of Science and Technology Printing Office, 2018. — 243 p.
11. Стрелецкий В.Н. Траектории развития приграничных регионов в контексте социокультурной специфики и цивилизационной идентичности России // Псков. регионол. журн. — 2022. — Т. 18, № 4. — С. 3–23.
12. Streletsky V. Ethnic, Confessional and Cultural Patterns of Regionalism in the PostSoviet Russia // Hungarian Geographical Bulletin. — 2017. — Vol. 66, N 3. — P. 219–233.
13. Национальный состав населения в разрезе муниципальных районов и городских округов // Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года [Электронный ресурс]. — <https://rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения 15.01.2025).
14. Российский статистический ежегодник // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12994> (дата обращения 15.03.2025).
15. Басаева К.Д., Нимаев Д.Д. Современные этнические процессы у бурят // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. — М.: Наука, 1985. — С. 11–29.
16. Болхосоева Е.Б. Динамика численности населения этносов восточных регионов России // Естественные и технические науки. — 2021. — № 3. — С. 102–103.
17. Куклина В.В. Локальные сообщества Южной Сибири в полиэтничной среде: культурно-географический срез. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. — 117 с.

18. **Безруков Л.А., Размахнина Ю.С.** Трансформация этнического состава населения Восточной Сибири // География и природ. ресурсы. — 2021. — Т. 42, № 3. — С. 45–54.
19. **Манаков А.Г.** Выделение основных элементов территориальной структуры этнокультурного пространства Азиатской России конца XIX столетия // Изв. Иркут. ун-та. Сер. Науки о Земле. — 2023. — Т. 45. — С. 68–79.
20. **Стрелецкий В.Н.** Россия в этнокультурном измерении: факторы регионализации и пространственные структуры // Региональное развитие и региональная политика России в переходный период. — М.: Изд-во Моск. техн. ун-та им. Н.Э. Баумана, 2011. — С. 146–176.
21. **Павлинская Л.Р.** Коренные народы Байкальского региона и русские. Начало этнокультурного взаимодействия // Народы Сибири в составе Государства Российского: Очерки этнич. истории. — СПб.: Европейский Дом, 1999. — С. 165–271.
22. **Дамбиев Э.Ц.** Степные ландшафты Бурятии. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2000. — 200 с.
23. **Лавренко Е.М., Карамышева З.В., Никулина Р.И.** Степи Евразии. — Л.: Наука, 1991. — 145 с.
24. **Токарев С.А.** Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. — 615 с.
25. **История Бурятии:** В 3 т. Т. 1: Древность и Средневековье / Ред. Б.В. Базаров. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2011. — 328 с.
26. **История Бурятии:** В 3 т. Т. 2: XVII—начало XX в. / Ред. Б.В. Базаров. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2011. — 624 с.
27. **История Бурятии:** В 3 т. Т. 3: XX—XXI вв. / Ред. Б.В. Базаров. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра, 2011. — 464 с.
28. **Дашибалов Э.Б.** Контакты и взаимоотношения древних монголоязычных народов с предками тунгусо-маньчжуров и корейцев // Вестн. Бурят. Ун-та. — 2015. — № 8. — С. 137–144.
29. **Павлинская Л.Р.** Буряты. Очерки этнической истории (XVII—XIX вв.). — СПб.: Европейский Дом, 2008. — 256 с.
30. **Цыдыпова Л.С.** Историко-географические особенности формирования этнокультурного ландшафта Баргузинского Прибайкалья. — М.: Инфра-М, 2018. — 156 с.
31. **Батоева Д.Б.** Влияние политических процессов в Восточной Азии на этнокультурную ситуацию в Забайкалье в XVI—XVII вв. // Республике Бурятия — 95 лет: Сб. науч. ст. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра, 2018. — 344 с.
32. **Атлас Байкальский регион: общество и природа** / Ред. И.В. Бычков, Д. Доржготов, Н.С. Касимов, В.М. Плюсин. — М.: Паулсен, 2021. — 320 с.
33. **Болхосоева Е.Б., Хальбаева С.Р., Гомбоев Б.О., Урбанова Ч.Б., Габеева Д.А.** Формирование населения города Улан-Удэ // Трансграничные территории Востока России: факторы, возможности и барьеры развития: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 6–8 сентября 2021 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2021. — С. 49–55.
34. **Болхосоева Е.Б.** Территориальные аспекты движения населения Республики Бурятия // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования: Материалы Междунар. науч. конф. (XIII Ежегод. науч. ассамблея АРГО). — Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та: Press, 2022. — С. 233–238.

Поступила в редакцию 03.06.2024

После доработки 09.09.2024

Принята к публикации 10.03.2025